

Юбилейное время книги

К 30-летию выхода в свет «Очерков русской литературы Сибири» (Новосибирск, «Наука», 1982 г.)

Про юбилей отдельной книги ни вспоминать, ни тем более писать у нас как-то не принято: в светлом проживании будней «пропускают» и события куда более важные. Забыли же, например, загодя подготовиться к празднованию 200-летия выдающегося мыслителя и классика русской литературы А.И. Герцена: спохватились лишь, когда увидели, что ни новыми изданиями его книг, ни исследовательскими трудами о нём, соответствующими духу наступившего времени, современным читатель не располагает, и оригинальный мыслитель мировой значимости всё ещё пребывает в ленинской рецепции о трёх этапах освободительного движения в России как её исторической матрице по привычной формуле «декабристы разбудили Герцена». Но в данном случае речь пойдет как раз о юбилее одной книги, сама подготовка которой к изданию превратилась в заметное событие культурной жизни Сибири, сохранение памяти о котором важно и поучительно для нашего времени: в 2012 году исполняется 30 лет со времени выхода в свет двухтомных «Очерков русской литературы Сибири» — первого в России обобщающего труда по истории региональной литературы.

Создание такого труда отвечало насущным задачам филологической науки: выходящие один за другим академические труды по истории национальной литературы России страдали общим недостатком — неполнотой фактического материала, ограниченностью охвата культурного пространства страны. По существу внимание исследователей оказывалось сосредоточенным на литературе Центра, литературные процессы за его пределами оказывались вне поля зрения, огромная масса имен и событий попросту «пропускалась», не учитывалась, подвергаясь опасности кануть во всепоглощающую Лету. В самих же регионах преобладал краеведческий уклон, когда «местная литература» рассматривалась главным образом в связи с окружающей средой, а не как органическое начало общего для страны историко-литературного процесса. Даже писателями самого большого региона страны, богатством и своеобразием его культурной жизни история национальной литературы «прирасталась» в степени, совершенно не соответствующей её реальному состоянию.

С течением времени опасность сложившейся в филологии ситуации осознавалась всё острее, так что с начала 60-х годов идея создания обобщающего труда по истории русской литературы Сибири, что называется, носилась в воздухе. Справедливости ради надо сказать, что с первой заявкой в этом роде выступили красноярские филологи, издав в 1962 году проспект очерков «Сибирь и Дальний Восток в художественной литературе. История литературной жизни Сибири и Дальнего Востока». В намерение авторов входило комплексное рассмотрение и сибирской темы в творчестве писателей, живших за пределами Сибири, и самобытное развитие русской и национальных литератур края. Однако первые или менее удачные попытки осмыслить исторический путь своей национальной литературы в Якутии, Бурятии, Хакасии, Горном Алтае к тому времени были уже предприняты, отсутствовало лишь сколько-нибудь цельное представление о путях развития русской литературы в Сибири, и в случае реализации красноярского проекта стартовые возможности исследования русской и национальных литератур огромного края оказались бы неравноценными.

Но не только по этой, а по многим другим причинам, в том числе его методологической эклектичности, суждено было красноярскому «Проспекту...» остаться лишь документом благих исследовательских намерений. Для воплощения большой идеи требовались определенные материальные основания, та реальная производственная база, на которой можно было бы развернуть поисковую, собирательскую и исследовательскую деятельность, словом, всё многообразие форм научно-организационной работы. Такие условия появились с созданием Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Возглавивший его академик А.П. Окладников при всей увлеченности археологически-

ми изысканиями и глубокой преданности своей науке хорошо понимал необходимость развертывания широкого фронта гуманитарных исследований. При его поддержке и содействии в институте созданы были сначала литературоведческая группа, а затем Сектор русской и советской литературы, которым бесспорно, до безвременной кончины в 1978 году, руководил Ю.С. Постнов, человек, наделенный огромной творческой энергией и организационным талантом.

Именно академическому сектору выпала тогда историческая миссия собирателя разрозненных сил сибирских гуманитариев, его творческого заряда хватило, чтобы вдохновить на долгую, как оказалось, многолетнюю, коллективную работу сибиристов разного профиля. Таких людей, самоотверженно служащих культурному обогащению и духовному возвышению края, было в Сибири немало. Широко были известны труды Н.М. Бабушкина, Я.Р. Кошелева, Г.Ф. Кунгурова, Е.Д. Петряева, Л.Е. Элиасова, Н.Н. Яновского, В.П. Трушкина и др. Однако работа каждого из них была локализована в пределах индивидуальных вкусов, пристрастий и интересов — истории литературы, фольклора, литературного краеведения, критики, жанровых приоритетов — прозы, поэзии, драматургии. Не вызвало сомнения то, что координировать и концентрировать имеющиеся силы и наращивать новые ресурсы можно было только на основе цельной концепции, убедительной теоретической платформы.

Следует признать, что теоретические и структурные контуры будущего обобщающего труда по истории русской литературы Сибири проступали постепенно: не сразу стало очевидным, что это будет именно двухтомник, не обошлось без острых дискуссий даже в выборе его названия, что неожиданно обернулось не столько теоретической, сколько идеологической их подоплекой. В высших филологических инстанциях изначально были пресечены попытки авторского коллектива ввести в название обобщающего труда понятие «истории» — во избежание каких-либо аллюзий на областнические мотивы: какая ещё «история литературы» может быть в отдельно взятом регионе? И даже предлогом «о» пытались приглушить опасность областнических аллюзий: не безопасней ли назвать коллективный труд «Очерками о русской литературе Сибири»? Смешно вспоминать, но в действительности многое оборачивалось нешуточными коллизиями. Цензура была многоголовой, не только внешней, но и внутренней. И писатели, и критики, и исследователи научились писать так, чтобы не раздражать её бдительности, изобретательно обходя препоны и рогатки.

Следует отметить, что в создании обобщающего труда по истории региональной литературы сибирским филологам не на что было опереться, отсутствовала возможность принять за основу какой-либо образец. Труд, подобного тому, какой складывался в замыслах сибирских филологов, в отечественном литературоведении просто не существовало. Выработка концепции, выбор композиции, осмысление структуры научного текста — все требовало поисков и раздумий, подключения коллективной мысли. Не удивительно, что рабочие совещания обретали характер горячих споров, выливались в длительные дискуссии и, как правило, в новосибирский Академгородок собирались тогда отовсюду, со всех сторон обширной Сибири и не только её. Само принятие решений представляло как плод общих усилий литературоведов, литературных критиков, писателей, археографов, издателей.

Сегодня настало время вспомнить имена участников того научно-духовного действия тем более, что многие из них ушли, как говорится, в мир иной, оставив о себе светлую память и многими другими трудами в области филологии как неумолимо-бескорыстные исследователи культурных богатств Сибири. Непременными участниками дискуссий были новосибирцы В.Г. Одинокоев, Е.К. Ромодановская, Е.И. Дергачева-Скоп, Н.Н. Яновский, А.В. Никульков, В.Н. Шапошников, Ю.М. Мостков, Л.А. Баландин, В.Г. Коржев, свою лепту в общее дело внесли Е.А. Куклина, С.И. Гимпель, Б.М. Юдалевич и др. Очень способствовали

творческой результативности томичи — Ф.З. Канунова, Н.Н. Киселев, Р.И. Колесникова, С.С. Парамонов, иркутяне — В.П. Трушкин, М.Д. Сергеев. Из Свердловска приезжал И.А. Дергачев, из Благовещенска — А.В. Лосев, из Владивостока — Н.И. Великая, из Омска — Е.И. Беленький, Э.Г. Шик. Неоднократно проделывал длинный путь от Кирова-Вятки до Новосибирска Е.Д. Петряев, на одно из заседаний выбрался из Ленинграда Н.И. Пруцков. Творческий замысел сибирских литературоведов в 1969 г. на выездной сессии Отделения литературы и языка АН СССР в Новосибирске поддержал академик М.Б. Храпченко. Постоянно ощущались поддержка со стороны старейшего писателя Сибири А.Л. Коптелова, готовность к сотрудничеству с академической наукой и многих других писателей.

К тому же, что особенно важно, сибиристовский проект академического сектора активизировал исследовательскую мысль филологических кафедр учебных заведений Сибири, придав его осуществлению поистине всеохватный характер. В Новосибирске собирались настоящие знатоки, филологи высокого класса, безупречные профессионалы, не просто досконально знающие литературную «сибирку», но горячо любившие её, чувствующие её душой. Не все из них потом стали авторами двухтомника, но приняли самое заинтересованное участие в разработке его концепции. Полноту представлений о том времени восполняет размах издательской деятельности: синхронно работе над подготовкой теоретического труда по истории сибирской литературы выходили один за другим тома «Исторического романа Сибири», «Литературного наследия Сибири», «Молодой прозы Сибири», по всему краю расходились книги из серии «Золотая россыпь Сибири», издаваемой в Иркутске...

Достоин удивления, какие несметные залежи духовных богатств были извлечены из глубин забвения. Принципиально важно, что расширилось представление о хронологических границах сибирской литературы. Ошибочную тенденцию «начинать» сибирскую литературу со времен выхода в свет журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—1791) полностью опровергали реальные факты богатой духовной жизни сибиряков уже в XVII веке. Уже тогда в Сибири существовала разнообразная по жанрам литература — летописи, путешествия, публицистика, сложилась своя традиция житейной литературы, сходная с северно-русской, но отмеченная местными особенностями.

В первом томе «Очерков русской литературы Сибири» (отв. ред. В.Г. Одинокоев) обстоятельно исследуется влияние фольклора на литературу, о чем наглядно свидетельствуют, например, казачьи «устные летописи», детально прослеживается начало регулярной летописной работы в Сибири, что связано с деятельностью Тобольского архиерейского дома, анализируются летописи Строгановская и Есиповская, Кунгурский летописец. Впервые предметом филологического осмысления становится рукописная литература и публицистика XVIII века, сибирское краеведение и т.д. И конечно же, настоящую золотую россыпь литературных сокровищ явил XIX век, блеснув именами Петра Словцова, Панкратия Сумарокова, Фёдора Бальдауфа, Екатерины Авдеевой, Николая Полевого, Ивана Калашникова, Николая Щукина, Николая Бобылева, Петра Ершова, Евгения Милькеева, Матвея Александрова, Дмитрия Давыдова и ещё многих других...

Второй том (отв. ред. Л.П. Якимова) посвящён советскому периоду. Логично, что дань официальной догматике в духе тотального революционизма здесь была неминуема, что вооружённым новейшими методологическими технологиями современным критикам двухтомника обеспечивает лёгкий, можно сказать, даровой хлеб. Хотя ради истины следует отметить, что смысловая и эстетическая подлинность художественного слова прорывалась и через идеологические заслоны.

Поиски регионального своеобразия сибирской литературы привели авторов двухтомника к обстоятельному исследованию проблем взаимодействия русской и нацио-

нальных культур Сибири, выявлению особой идейно-эстетической роли огромного числа тех русских писателей, чей художественный талант выявился в изображении исторических судеб многочисленных народов края и прежде всего тех, у которых не было своей письменности и литературы. Широкою известностью приобрели книги В. Арсеньева «В Уссурийской тайге» (1921), «Дерсу Узала» (1923) и др., повести Р. Фраермана «Васкагиляк» (1924) и «Афанасий Олешек» (1933), притягивающие той же чистотой и непосредственностью мировосприятия героев книги Г. Гора «Ланжеро» (1937), «Неси меня, река» (1938), «Синеё озеро» (1939), Т. Семушкина «Чукотка» (1939), романы А. Коптелова «Великое кочевье» и М. Ошарова «Большой арктиш», в которых предстал перед читателем полный национальный своеобразие мир алтайцев, эвенков, гиляков (нивхов), чукчей, и других народов Сибири. Довлеющей была мысль о природной готовности этих народов принять идею социализма, о полном соответствии их нравственного мира ценностям новой жизни.

В аспекте художественного своеобразия творчество сибирских писателей вскрыло богатейший ресурс экпоэтики, явив читателю непередаваемый никакими средствами, кроме образно-поэтических, богатство сибирского тоposa с безбрежьем его тайги, мощью речных артерий, привольем океанских далей, что формировало особый эмоционально-психологический тип сибирского человека, отозвалось в стойкости самого понятия «сибирский характер».

Осмысление литературного процесса советского периода было доведено до конца 70-х — начала 80-х годов, но и этот отрезок пройденного новой литературой пути способствовал заметному приращению могущества российской литературы такими именами, как В. Шишков, В. Зазубрин, Вс. Иванов, Л. Сейфуллина, В. Правдухин, П. Васильев, Л. Мартынов, Н. Задорнов, К. Седых, Г.А. Федосеев, Г. Марков, А. Иванов, С. Залыгин, А. Вампилов, В. Распутин, В. Астафьев, В. Шукшин и многие другие.

К великому огорчению, не дожидая до завершения двухтомника как общесибирского филологического проекта его инициатор и вдохновитель Юрий Сергеевич Постнов, не разделил со всем авторским коллективом радость его долгожданного выхода в свет. Появление труда сибирских литературоведов было по достоинству оценено филологической наукой — и у нас, и за рубежом. «Литературная газета» откликнулась огромной — на двухстраничный разворот — статьей А.И. Овчаренко «От Ермака до наших дней». Не сколько позднее своеобразным отзвуком на двухтомник стала обстоятельная работа известного немецкого слависта Р.-Д. Клюге «Сибирь как культурная и литературная провинция».

Без преувеличения можно сказать, что время, совпавшее с рождением замысла «Очерков...», непосредственной работой над их созданием и выходом из печати, длившееся в пределах почти двух десятилетий, предстает как эпоха духовного Ренессанса Сибири, память о которой способна пробудить надежды на будущее взлеты и всплески культурной жизни «далекого края». Надежды эти не беспочвенны, если прислушаться к биению пульса современности, с непреложной очевидностью рождающей потребность в появлении новых обобщающих трудов по истории сибирской культуры и литературы и, может быть, в первую очередь таких, как «Сибирская литературная энциклопедия», «Словарь сибирских писателей». Что делать, «литературные мечтания» в России всегда предшествовали реальному делу.

Л.П. Якимова, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, д.ф.н.